

КРЕСТОВОЙ ДОМ НА ГОЛОЙ ГРИВЕ

Ты, сынок, конечно, мало что помнишь о Голой Гриве, хоть и улицу эту знаешь, и ходил по ней и ездил много раз. Эту улицу теперь так зовут редко, дали имя какого-то Хомяковского, в восстание он усмирением занимался, мужиков поднявшихся к стенке ставил, это мне верный старик говорил: прямо к церковной стенке лбом, а потом родственникам выдавали. Ну, это давненько было, в двадцатые годы. Улочка та от деревни вдоль речушки до самого озера настроилась, дома, сказывают, добрые стояли, хозяева путние жили. Место увлекательное, тут тебе и выгон для скотины, и открытая вода для птицы, потому все жители разводили уток и гусей, по утрам такой гогот и гай, что без сомнения поверишь: могли гуси и Рим спасти от внезапного неприятеля, если всю деревню поднимали.

Не забыл еще в своих блужданиях по белому свету названия наших пашен и других кормовых мест? Поляков Колок, Новиков Дом, Первые Ямки, Вторые, Кулибачиха... При царизме крестьяне землю всю делили на сходах, как на общих собраниях, староста был избран из общества, писарь. Делили по душам и по совести, так наделы и закреплялись за семейством, на пашне, считай, жили с посевной до молотбы, потому избушки строили, колодцы рыли, даже бани, если семья большая. Прошлым летом ты меня на своей машине возил к Пудовскому озеру, я там ходил, яму от колодца нашел, где избушка наша стояла – тоже тут наши пашни были до коллективизации. Мне десять лет еще не минуло, отец зацепил за смиренной Пегухой боронку и вожжи мне подал: борони, Макся, хватит тебе сорок гонять. Не помнишь? А я все боялся, что ты слезу мою заметишь...

Вот так, в страдную пору, когда вся деревня в поле, сделался пожар на этой улочке. Май месяц, сушь невозможная, пламя, говорят, так взыграло, что свечой до небес, и даже дыма нет. Ударили в набат. На церкви нашей колокол был о ста пудах, его на многие версты кругом было слышно. Отливали по заказу нашего купца и маслодела Кувшинникова, но колокол сбросили перед войной, Шурка Ляжин да Никитка Локотан дерзнули снимать. Шурка вскорости утонул в Марае, а Никитка сгинул на фронте без весточки. Ударили, а на пашнях-то услышали, знают, что в набат просто так не бьют, лошадей запрягают и в деревню. Знамо дело, пока скакали, огонь окреп, соседние постройки занялись, к домам уже не подступиться, да и тушить бесполезно. Ведрами стали воду подавать по цепочке, крайний плеснет в сторону огня, а вода на лету закипает и в пар. Жар стоит нестерпимый, волосы на голове потрескивают. Народишко барахло спасает, выносит из домов и от греха подальше в речку, в воду. Не знаю, насколько верно, но сказывали, что подушки плыли по волнам и горели.

Тогда собрались мужики в сторонке: надо что-то делать против стихии, иначе вся деревня выгорит, такие случаи были, правда, не у нас. А огонь уж на подходе к деревне, ворвется – ничем не остановить. Тогда сказал Паша Менделёв:

– Чтобы огонь захлебнулся, надо не дать ему пищу, ломаем мой дом.

Дом у Паши стоял в основе улицы, на стыке улочки и деревни, большой дом, крестовой, под тесовой крышей. Постройки, само собой, ограда резная, дом весь изукрашен, любо посмотреть.

– Ломайте, мать вашу, иначе сгинем все!

Ну, накинудись, верно говорят, что ломать – не строить. Кое-что из дома вынесли, кровлю заворотили и столкнули, стропила выпростали, а стеновые бревна только так посыпались. Что упало, подхватывают и уносят подале, пока до основания дошли, огонь уж тут. Рубахи тлели на мужиках, когда последние бревна выносили. Огонь повитийствовал на последней жертве и ослаб. Тут кто радуется, что спасли его хозяйство, погорельцы разом заревели, бабы, конечно. К вечеру все головешки погасили, на улочку страшно посмотреть, одни печи стоят с чувалами. Я, понятно, сам не видел, но могу представить, доводилось на фронте проходить по выгоревшим деревням, только большая русская печь остается после огня. Страшное видение, скажу тебе, жуткое. Ну, проревелись, пошли в храм, отслужили молебен, после разобрали погорельцев по родне, староста сказал, что завтра же поедет в волость искать помощи для пострадавших.

Теперь о Паше Менделёве. Он сам видный был, красавец мужик: ростом не очень высок, крепок, лицом чист, глаза темные, глубокие, как старицы, волос из кольца в кольцо, так что с бабами у него забот хватало. Женился он на Апроше, Федора Петровича дочери, верней, женил его папаша Петро Михайлович, больно крутой был, с Федькой у них дружба сердечная, вот и решили ее укрепить родством, а Пашу не спросили. Тогда против воли отца не могли возмутиться, враз лишит наследства и из дома выпрет. Обвенчали, сыграли свадьбу на Покров день. Только Пашка не смирился, погуливал, жил с Апрошкой в родительском доме, чуть что – отец за ремень: запорю! Не улыбайся, тогда и женатику родитель мог всыпать, мне самому перепадало, но это уж позже.

И вот время к Паске, праздник это большой был, радостный, служба в храме, потом гуляния, разговение, пост же кончился, к утру готовили скоромную пищу, а после обеда устраивали игрища. Это как теперь соревнования, да и те вы уже забываете, но тогда был кулачный бой, боролись на опоясках да конные скачки устраивали. Отец Паши Петро Михайлович охоч был до лошадей, имел несколько рысаков и всякий раз сам скакал и призы брал. В этот раз тоже объявил, что будет, привели серого в яблоках жеребца, гордость хозяина, Паша и привел, Петро Михайлович бодренько вскочил в седло, поехал разминать коня. Через время объявили заезд, с десятков лошадей участвовали, это на Кизилровке устраивали, место там ровное, вешки поставили по кругу с версту. По команде сорвались кони с места и понесли, народ кричит. Первый круг прошли, второй, Петро Михайлович идет в серединке. Многие знали, что это тактика у него такая, на последнем круге свое возьмет, и дело не в баране, который на приз выставлен, у Менделёва овечек никто не считал, – натура у него такая, первым быть, хозяином.

Когда вышли на последний круг, Петро Михайлович был уже впереди, красиво шел рысачок, и верховой тоже завидно гляделся, прильнул ко гриве, уже не надо вмешиваться, этот конь никого вперед не пустит. И тут ахнула толпа: Петро Михайлович качнулся в сторону, рысак шарахнулся, всадник со всего маху сорвался с лошади и ударился о землю. Когда подбежали, он уж дергаться перестал, тут же седло подняли, а подпруга посередке порвана. Опять все ахнули, когда концы свели: подрезана подпруга, только чуть оставлено, потому и держалась пока...

Приезжал следователь, опрос делал, у Пашки допытывался, кто мог сотворить такое, Пашка указал на Фоку Рожня, который в работниках был и за лошадьми смотрел, а Фока под присягой заявил, что рысак седлал сам молодой хозяин. Фоку того увезли, и вернулся он уже после революции, но слух был, что Пашка и сделал, чтобы от родителя избавиться. С полгода еще после похорон прожил с Апрошкой, а потом отвез к отцу ее вместе с приданным.

Да, о доме. На Никольской ярмарке в Ишиме встретил Паша барышню, говорят, не шибко голубых кровей, но состоятельных родителей дочь, и была она вместе с папашей своим, маслоделом из Маслянской волости. Она не то, что молодая – юная совсем, девчонка шестнадцати лет, а Паше уж под тридцать, но он разум потерял, все дни терся около торговли маслодела, свои дела закинул, наконец, изловил девку. Конечно, никто не слышал, что он ей говорил, только можно догадаться, что пел он лучше соловья и слаще заморских всяческих певунов, охмурил напором и подарками, а через неделю сватов прислал. Свадьбы не было и

венчания тоже, но стали поговаривать, что тошно Пашке в родном доме, покойный родитель ночами приходит и спрашивает, за что это сынок такое с отцом породившим сотворил. Паша крепился, от вопросов отнекивался, к докторам ездил, но покоя не обрел. И тогда сказала ему молодая жена, что надо свой дом поставить и из родительского уйти. А коли сказала, то значит, знала уже мужнину тайну, ведь так? Хотя могла и просто посоветовать, чтобы обстановку изменить.

Как бы то ни было, закупил Павел Петрович сосновый лес у викуловских торговцев и за деревней поставил крестовой дом, бригаду мастеров нанял, чтобы дом изукрасили, дело свое они справно вершили, не дом вышел, а теремок. Освятил его хозяин как положено, и перешел, сюда же часть хозяйства перевел, часть оставил сестре Анне с матерью. А когда он ушел, сестрица стала чаще к скотине выходить, где сама сделает, где работникам подскажет. Она в девках засиделась из-за этого случая с батюшкой, вся округа судачила, что не добрая та семейка, где сын отца под смерть подводит, сыну хоть бы что, а на дочери отразилось, не идут сваты, хотя и девка не бракованная.

И вот в конюшне разбиралась она с барахлом, и в загородке, где рысак стоял, увидела рукоятку ножа, в паз стены воткнутого, выдернула и задохнулась: Пашкин нож, он всегда при нем был на работе в поле, а в стене оказался не просто так. Никому ничего не сказала, пришла к брату и подала нож, а того не подумала, что братец от безвыходности может и ее тем ножом. Нет, обошлось, только Павел Петрович с того дня опять покой потерял. И бояться нечего, нож выбросил надежно, сестре никто не поверит по прошествию времени, сочтут за наговор, мол, обидел сестру при дележке, вот та и мстит. А он не может места изобрать. И тут пожар.

Да, а семейная новая жизнь у Пашки складывалась – лучше не надо. Молодوخа так его любила, что ноги мыла и вытирала белым полотенцем, в глаза заглядывала, чем накормить, как обнять–приголубить. В первый год родила ему парня, на второй год девку, Паша дома отходил сердцем, а как уединялся в работе – дуром дурил. Вот тогда жёнушка и посоветовала ему исповедоваться и причаститься у игумена или другого монаха, потому что монахи больше силу имеют, чем даже священники.

Поехал Павел Петрович в Тобольск, в Абалакский монастырь, хорошее пожертвование сделал, определили его к монаху Евпатию. В его келье жил, с ним работал на послушании, ночами молился вместе со старцем. Хотя какой он старец, и не старик даже, а мудрость в нем и свет, это Паша сразу заметил.

Сначала монах попросил рассказать свою жизнь, Павел исполнил, но про несчастный случай ничего не сказал. И тогда монах спрашивает про отца, где, мол, он у тебя? Павел ответил, что разбился на скачках в Пасхальный праздник, и все. Тогда монах напрямую: подпругу ему подрезали, потому и разбился. Рухнул перед ним Павел на колени, зарыдал: сил моих нет носить это бремя, освободи, отче! Монах изрек: перед Господом будешь ответ держать, а перед людьми только большая жертва тебя избавит от груза. Какая жертва, отче? На все Господь, он подскажет. И отправил Павла домой. В тот год и случился пожар.

Ну, потом революция сделалась, война, и Павла Петровича призвали, воевал за белых, потом за красных, все смешалось. Только вроде утряслось, продразверстка, под веник голик заметали сусеки, семенное зерно и то забрали. К Паше темной ночью приехал человек, до утра проговорили, назначили его старшим в волости по восстанию. А через день депешу привезли, арестовывать коммунистов и актив. Павел все исполнил, собрал людей надежных, посты установил. А на другой день всех восставших увели с отрядом Гриши Атаманова, с февраля до глубокой осени гонялись они за красными и красные гонялись за ними, с наступлением холодов не выдержал Павел Петрович, пришел в материн дом, где семья жила, там его и взяли.

Хомяковский и его к стенке ставил, наганом бил по затылку, но общество заступилось, памятуя его жертву своим домом для ради народа, а всем карателям дано было указание с людским мнением поаккуратней, все-таки восстание кой чему власть научило, да только народное возмущение и учит правителей. Дали Павлу Петровичу пять лет, отбывал на лесозаготовках, вернулся сильно исхудавший и присмиривший, но вдруг воспрянул, опять

красный лес привез и дом рубить подрядил бригаду. В сельсовет вызвали, поинтересовались, на какие капиталы строительство, он отвертелся, соврал что-то, а на самом-то деле сестра золотые монеты царской чеканки нашла в подполе родительского дома: Петр Михайлович запасливый был, да сгинул, не успел сказать про заначку. Сестра - чистая душа, не скрыла, отдала братцу. Дак вот, он на том же самом месте, поперек приметам, возвел дом, такой же большой, только крышу уже не тесом, а железом покрыл.

И тут опять смятение на душе, как-то глянул на сына своего и ужаснулся: до невозможности похож на деда Петра Михайловича, и даже взгляд такой же. Невзлюбил парня, жене ничего не говорил, а сестре своей Анне покался, что не может больше сына видеть и она сдогадалась: отдай мне парня, все равно одна живу, вместе веселей будет. Отдал, да так отдал, что годами не встречался, избегал. Сестра против отца слова парнишке не говорила, но он чувствовал, что не след на глаза лезть, с матерью виделся, а отца не знал. Так и жили в одной деревне, как будто чужие.

Парень выучился, работать стал в колхозе, потом война, после демобилизации женился, так вместе с теткой и жили, а лет через пять она повела его к Павлу Петровичу, к отцу, то есть. Сказала, что зовет. Павел Петрович ее попросил уйти. Да, жена его к тому времени померла, дочка замуж вышла в соседнюю деревню. Сын ничего такого не заметил, видит, что лежит отец в постели, все прибрано, не скажешь, что болеет. А он уж при смерти. Так понять можно, что принял яду. Вот тут все сыну и рассказал, покался, велел после его смерти в дом перейти, мол, по праву.

Что смотришь? Отец мой и дед твой. А что фамилия другая – на мамину фамилию меня переписал, когда к тетке отправил. И дом тот, и память о нем в этом доме. У гроба я плакал, как ребенок, так жалко было исковерканную жизнь отца и свою тоже, но ничего не попишешь, я обещал ему тебе все рассказать, когда взрослым будешь, чтобы хоть сколько-нибудь понятия имел. Вот, наследуй, горькая память, а наша. Другой нету.